

УДК 1(091)

ПРОБЛЕМА РУССКОГО МИРА В ОТЕЧЕСТВЕННОЙ СОЦИАЛЬНОЙ ФИЛОСОФИИ XI–XXI ВВ.

Н.В. Теплых

АНО ВО «Гуманитарный институт», г. Москва

DOI: 10.26456/vtphilos/2022.2.134

Духовная ситуация времени в современной системе отношений «человек – общество» является критической. Обращение к истокам российской духовно-нравственной культуры, отечественным историко-культурным традициям, духовно-нравственным ценностям, которые унаследовали современные граждане России, способно преодолеть этот кризис. Осмысление традиций и ценностей не только оптимизирует и систематизирует современный процесс развития русской национальной культуры самосознания, но и способствует выработке продуктивного алгоритма к формированию диалога этнотрадиций. Исторический опыт взаимодействия разных народов, осуществляющийся мирным путем, характерный для многих регионов нашей страны, имеет глобальное, общечеловеческое значение. Возможно, столь долго искомое «высшее предназначение России», о котором задумывались многие выдающиеся мыслители, состоит именно в поиске и нахождении формулы гармоничного взаимосвязанного и взаимообуславливающего существования разных этносов.

Ключевые слова: *русский народ, русский мир, ценности, традиции, диалог, единство.*

Введение

Проблематика россиеведения постепенно варьировалось от рассмотрения Руси–России как варварской периферии Запада (историографические парадигмы Луи де Бональда, маркиза де Кюстина, русофоба Зб. Бжезинского), до признания ее независимого цивилизационного измерения, параметры которого, однако, ограничены точными временными рамками (А. Неандер в Германии, Т.Н. Грановский и А.П. Зернин в России). В общем, имеется типичный и стереотипный взгляд на прошлые традиции, в том числе на духовные, утвердившийся в западной науке вплоть до настоящего времени с представлением произведений Э. Гиббона и Т. Моммзена по вопросам культурных форм непрерывности как негативного фактора и негативных оттенков в определении. Это особенно заметно в понятиях новейшей традициологии. Работы последних лет, публикации отечественных ученых позволяют выявить необходимые для современности изменения, наметить пути дальнейшей разработки проблем отечественной этнологии на региональном уровне.

Анализ существующих исследований в духовно-культурной плоскости выявляет ряд проблем. Во-первых, имеется существенный разрыв между высокой социальной значимостью формирования ценностно-семантических основ концептуализации бытия традиционных этносов и слабой практико-эмпирической проработкой проблемы; во-вторых, в исследованиях обозначен четкий дискурс нахождения традиции на

© Теплых Н.В., 2022

стыке между практической необходимостью формирования духовных и культурных ценностей и недостаточным представлением в социогуманитарной науке целостного подхода в теоретическом аспекте развития аксиологической парадигмы будущего традиций; в-третьих, диссонанс между объективно существующей потребностью в формировании основных ценностей традиционного, в частности, передаточного механизма последнего наследия ученого, теоретика, педагога, наставника и неосведомленностью об этой потребности на всех уровнях современной системы культурного бытия общества.

Специфика развития общерусского национального самосознания

По наблюдениям современных исследователей развития русской общественной мысли, от истоков и до наших дней русская философская мысль отличалась провиденциальностью. Так, О.С. Париллов справедливо пишет, что идея мессианского призвания русского народа опирается на провиденциальное мировосприятие [12, с. 188].

Древнерусские мыслители уже в XI в. получили существенные послы в развитии социально-философской парадигмы единства общества не только из самой Руси, но прежде всего из кругов иерархии Восточной ортодоксальной церкви, где понимали, что общество разрушается от отсутствия социальной интеграции. Уже при созидании собора святой Софии в Киеве были выражены первые представления о «русском мире» в «Слове о Законе и Благодати» Илариона Киевского. Будучи первым киевским митрополитом, русским по происхождению, он впервые предпринял попытку осмысления места славян, Руси, православной веры в существовавшем геополитическом пространстве. Это был первый шаг формирования древнерусского патриотизма.

Относительно древнерусской специфики духовности, В.С. Барулин отмечает следующие ключевые моменты при характеристике духовно-сознательных факторов социальной общности. Так, эти факторы присущи любой социальной общности всегда и имманентны ей, их интегрирующая роль не должна отождествляться с сознательным перечислением каждого члена общности [3, с. 93]. Именно это и проявилось со всей очевидностью во время трансплантации духовных ценностей при христианизации Руси и создания российской общности.

Российские мыслители в XIV в. получили существенные импульсы в развитии социально-философской парадигмы единства общества не только из самой Византии, но прежде всего из кругов иерархии Восточной ортодоксальной церкви, где понимали, что византийское общество разрушается.

Зарождающаяся русская идея заключала в себе идею морального долга, мессианства русского народа. В то время, когда происходил процесс собирания русских земель вокруг Москвы, появился весьма популярный памятник в древнерусской книжности – «Повесть о новгородском белом клобуке», который утверждал идею духовного превосходства Руси, где русская церковь выступала хранительницей истины Христовой, т. е. Повести сразу была присуща идея «третьего Рима», утверждавшаяся в русском общественном сознании. В условиях изменившейся внутри- и внешнеполитической ситуации российское государство нуждалось в некоей общей парадигме, фундаментальной идеальной основе своего существования. Появление концепции старца Филофея «Москва – третий Рим» становится важной вехой в осмыслении русским обществом собственного значения в мировой цивилизации, заключавшегося в его особой религиозности и исключительной близости к Христу. Идея спасения мира и его обновления «третьим Римом» будет ключевой вплоть до XVIII в., пока Россия позиционирует себя единственным в мире убежищем для истинного христианства. Вера в собственную исключительность подкреплялась Флорентийской унией 1439 г., которая признавала первенство католицизма по отношению к православию. Неудивительно, что греки ничего,

кроме презрения, уже не вызывали. Русская идея трансформировалась: идею равенства всех христианских народов сменила мессианская идея богоизбранности русского народа. В общественном сознании утверждалось представление о России как колыбели истинного христианства. Так рождалась идея о «Святой Руси».

Русское единство складывалась как единое государство в результате единения русских территорий, некогда бывших Великим княжеством Владимирским, земли не совсем только Северо-Восточной Руси, но и финно-угорских, а также тюркских народов. Здесь особая роль принадлежала государственному народу – великороссам, одной из этнических русских групп. Следует отметить, что в средневековую пору бывшие земли киевского государства – славянские княжества – стремились создавать свои общегосударственные системы, о чем свидетельствует летописание. Между ними военные столкновения были еще более жестокими, чем с «иноплеменными».

Многое в становлении общегосударственной идеи сделала православная традиция. К середине XVII в., после кровопролитной гражданской войны этнических русских, Московия окрепла, вскоре присоединилась Украина. Последствия этого события трудно переоценить.

Московская Русь относилась к себе иначе, русские подданные считали себя приемниками совершенного «третьего Рима», а европейцев-западников – неправедными, грешными людьми и вовсе не христианами. Со времен Золотой Орды восточные славяне перемешались с татарами и другими тюрками, но в то же время русские осознавали свое системное единство. Начиная с конца XVII в. в России начинают доминировать секуляризационные процессы, отразившиеся на развитии духовной культуры. Принципы этатизма становятся социальной доминантой российского общества с такими ценностными категориями, как целесообразность и законопослушание. Таким образом, петровские преобразования положили начало новому этапу русской духовности, для которого характерен отход от «старомосковских религиозно-нравственных традиций». Новым детищем этой эпохи стал рабочий как новый социальный слой. Хотя он генетически и был связан с крестьянством, однако, как отмечает А.С. Ахиезер, в его сознании сохранился общинный принцип примитивного утилитаризма – «взять и поделить» [2, с. 124–125]. Трагичность ситуации не только для рабочего, но и в целом заключалась в разрыве пространства традиционной русской жизни и культуры, которое некогда было единым. Иными словами, народно-крестьянская культура и городская культура благодаря петровским преобразованиям противопоставлялись друг другу.

Русская идея и российское общество

Что касается специфики русской социальной философии, то следует выделить несколько особенностей, к которым относится приоритет онтологических проблем перед гносеологией. Западные философы именно в разработанности гносеологических проблем усматривают подлинную реальность для философии. Согласно же многим русским мыслителям, возведение логики, теории, научной истины в ранг абсолютного бытия есть «панрационализм», «пантеоретизм», «роковой теоретизм».

С.Л. Франк в работе «Русское мировоззрение» наиболее четко выявил истоки и основные черты приоритетов онтологии перед гносеологией в отечественной философии. Он писал, что бытие дано не посредством сознания, напротив, наше сознание есть проявление бытия как такового [18, с. 82]. По верному замечанию Франка, русское мировоззрение имеет ярко выраженную практическую направленность: оно изначально всегда рассчитано не на понимание мира, а на его улучшение.

Бытие не воспринималось как отвлеченная объективная реальность, оно переживается, как своя собственная судьба. «Русский онтологизм, – рассуждал В.В. Зеньковский, – выражает не примат «реальности» над познанием, а включенность познания

в наше отношение к миру, в наше «действие» в нем» [6, с. 384]. Таким образом, очевидна тяга для русских мыслителей к онтологизму или реализму как признанию примата реальности над «чистым сознанием».

В творчестве отечественных мыслителей красной нитью проходят проблемы любви, добра, смысла жизни человека, абсолютной ответственности за себя и остальной мир, борьбы со злом. Фундаментальный труд В.С. Соловьева «Оправдание добра. Нравственная философия» [14] в концентрированном виде выражает эти проблемы. В частности, в нем содержится онтологическая трактовка добра как высшей сущности, воплощенной не только в бытии человека, но и в истории всего человечества.

Н.О. Лосский также настаивал на том, что творчество выдающихся представителей русской философской мысли пронизано этикой любви и творчества. В наиболее яркой форме эта сущность русского духа выразилась в поисках правды [9, с. 468–476].

К.Н. Леонтьев видел большую опасность для российского общества и гибель России в отторжении собственных традиций и духовно-нравственных истоков культурного развития, связанных с византизмом [8, с. 64]. Он узрел охранительный палладиум для России с ее тысячелетней историей в консерватизме религиозно-нравственных установок византийского православия, которые предотвратили разрушение российского социума [5, с. 25]. В свою очередь, идея Святой Руси повлекла образование концепции мессианизма России, не всегда имевшей устойчивый и долговечный характер. Если во времена старца Филофея концепцию мессианства можно назвать своеобразным лозунгом русской истории, то в советскую эпоху она сбрасывалась с пьедестала, а богоизбранность власти подвергалась сомнению.

Е.Н. Трубецкой, рассуждая о нравственной правде, определял ее как фундаментальную составляющую всей духовной жизни русского народа: «Что же такое это нравственная правда? Очевидно, это цель, ради которой стоит жить, ... это сам предмет искания» [17, с. 64, 66]. Речь идет об искании истины вместе с правдой.

Среди специфических признаков русской философии считается софийность, т. е. рассмотрение образа Софии Премудрости Божией в древнерусской и русской культуре, на основе которой сложилась отечественная софиология. Как одно из важнейших направлений в истории русской мысли софийная традиция проникла на Русь после ее крещения из Византии в результате воздействия южного цивилизационного вектора, способствуя формированию образно-символического представления о мире. История софиологии неотделима от истории концепции о всеединстве, ведь софийность, по сути, объединяет благо, истину и красоту. Разрушение их единства есть путь к страданию. Поэтому для русских философов характерно поддержание традиции софийного понимания философии [16, с. 68].

Другим признаком русской философии является соборность. Идея соборности, противопоставлявшаяся индивидуальному мудрствованию, позволила русскому человеку понять смысл жизни, заключающийся в спасении ближнего своего, человечества, а не только самого себя. Поэтому соборность, порожденная патриархальной системой ценностей, имела глубокий сакральный смысл. Например, соборность по В.И. Иванову «есть такое соединение, где соединяющиеся личности достигают совершенного раскрытия и определения своей единственной, неповторимой и самобытной сущности, своей целокупной творческой свободой» (цит. по: [7, с. 198]). Наиболее полное выражение соборности можно обнаружить в мифотворчестве, например, во всенародном религиозном сознании. Кроме того, наглядным воплощением идеи соборности русский философ считал отечественное религиозное творчество, опредмечивание, распредмечивание, проявляющиеся в форме символов софийного единства Бога, мира и человека.

Русская философия соборности на примере творчества русских религиозных философов П.А. Флоренского и С.Н. Булгакова на первое место выводит принцип

религиозного единства. Н.А. Бердяев акцентировал свое внимание на социальных и личностных аспектах соборного единства, которое он определял как персоналистическую духовную общность, основанную на началах религиозности, свободы творчества и этики любви [1]. Кстати, созданное в русской эмиграции в 1923 г. братство святой Софии своей деятельностью полностью соответствовало представлениям Соловьева о том, что гибель человечества может быть предотвращена или отдалена благодаря совокупным усилиям организованного общественного союза, а не нравственным изменением человечества. Поэтому Россия выступает как этнокультурный феномен.

Воплощением «истинной духовности и нравственности» в России выступал царственный венценосец, где сакрализация монархической власти выражалась в панславистско-универсалистских категориях. Поэтому стремление военных элит к консервации имперской основы государственности привело их к распаду, который ускорила Первая мировая война. Реставрация единой и неделимой империи оказалась невозможной благодаря взятому большевиками на вооружение националистическому лозунгу права наций на самоопределение [20, р. 26–29]. Тезисы о негативном воздействии на Россию интернациональной модели интеграции можно обнаружить в статье националиста М.О. Меньшикова «Нецарственный империализм» (1910), в которой имперская политика предстает губительной для русского народа. Он критикует имперские идеалы октябриста А.А. Столыпина о «семье народов, объединенных общими идеалами» за якобы стремление «водительствовать» над подчиненными инородцами [11, с. 65].

Касаюсь вопросов идентификации Русского мира в специфике развития восточнославянских обществ и этнических групп, отметим, что уже в XVII в. Украина оказалась экономически и культурно более развитой, нежели сильная в военно-политическом отношении Россия. А присоединенные позднее Прибалтика и Польша оказались на порядок выше. Противники России в лице униатской церкви начинают проводить политику по искоренению православия. Альтернативой русскости с конца XIX в. становится утверждение украинской идентичности, идеологической основой которой выступала ярко выраженная русофобия [19, с. 52–60]. В XX в. стало очевидно, что Великобритания беднее и хуже живет, она более отсталая, в ней живет меньше образованных и культурных людей. Отсталость культурного слоя российского общества, имеющего склонность жить багажом исторического прошлого, потенциально чревато трагедией. Однако трагедии русскому миру избежать не удалось. В новейшее время наблюдается стремление с помощью идеологического оружия «свидомости» вытравить общерусские корни общественного сознания у восточных славян. Однако в системе российских традиционных ценностей приоритетом являются не убеждения человека, а его нравственная личность. Эта личностная доминанта в православной картине мира составляет фундамент российской цивилизации. Справедливо наблюдение Л.Н. Столовича о соотношении духовности и социальных ценностей. Во-первых, духовное состояние человека связано с актуализацией ценностей. Во-вторых, духовное состояние само является ценностью, либо является способом их освоения, тем самым обладая двойным бытием [15, с. 51]. Поэтому для созидания нового российского цивилизационного пространства важно развивать культурный диалог, межэтнические отношения, учитывая российские конфессиональные основания.

В поисках решения данных проблем русская религиозная философия ориентирована на обновление религиозного сознания, в частности, устранение его раздвоенности между выбором Бога и вещным миром. Итогом исследований становится утверждение, что поиск направлений отечественного социального философствования по проблемам социума в современном обществе вызывает не только мировоззренческий и логико-теоретический, но также методологический интерес. Глобализация, стремящаяся стандартизировать условия жизни современного российского социума, приводит к

либерализации системы межличностных отношений, атомизации личности. Общественное сознание русского народа постигает эти процессы на основе исторически сложившегося менталитета под воздействием геополитических факторов, централизованной системы государственного управления и особого типа религиозной организации – Русской православной церкви. Данная религиозная организация терпеливо и заботливо собирала русский народ, объединяла иные народы российского государства на протяжении всей его истории, отстаивая идеи социальной справедливости и высоких нравственных ценностей. Ее консолидирующее значение особенно велико в переломные моменты отечественной истории, когда она побуждает общество к подвигу и состраданию. По мысли С.В. Лурье, русские переживали свой драматический опыт, отличный от традиции политического изоляционизма [10, с. 129–130]. Современный исследователь проблем «русского мира» В.Д. Попков замечает, что: «Русский мир это не диаспора и не цивилизация, не транснациональные сети мигрантов и не совокупность каких-либо индивидов, объединенных какими-то кажущимися или реальными характеристиками. Русский мир – это мировоззрение и образ мыслей, он нематериален [13, с. 35].

Проведя ретроспективный анализ работ отечественных мыслителей, можно заключить, что в дореволюционный период для многих поколений мыслителей и духовных деятелей России интеграционной идеей выступал европоцентризм, тогда как для других великой ценностью выступала русская традиция социокультурной интеграции общества.

Таким образом, темы социокультурной интеграции российского общества в русской философской мысли затрагивали следующие узловые проблемы:

- проблема общенационального начала, что специфично данный вопрос имел в России;
- взаимодействие российского государства с народом в имперском контексте;
- место русской идеи в российской национальной идеологии;
- противостояние русского национализма западному экуменизму.

Заключение

Можно определенно сказать, что для русского человека видение своего населения, территории проживания напрямую зависит от видения самого себя и своего государства, что находило отражение в русской общественной мысли. Прочность, логичность построения Российской империи зависела от религиозной составляющей населения, выхолащивание которой чревато для целостности и жизнеспособности империи. Важнейшими специфическими признаками русской философии явились идеи софийности и соборности как социального, свободного, органического единства общества, связанного силой любви и нравственных заповедей.

Соборность противопоставлялась индивидуальному мудрствованию, связанному с абстрактными спекуляциями, сухими черствыми словами. Напротив, соборное переживание ориентировалось на «движение сердца», определенную конкретность. Идея соборности позволила человеку понять высший смысл жизни, состоящий не только в собственном спасении, но также ближнего своего и всего человечества, осознать важность духовной онтологической приобщенности человека к универсуму. Соборность была порождена патриархальной системой ценностей, которая включала глубокий сакральный смысл. Применительно к Руси–России, по замечанию В.В. Бычкова, именно соборность как философская этическая категория дает право говорить об эстетическом сознании целой культуры, в отличие от Европы с ее «культурами» и преобладанием корпоративных и индивидуальных ориентиров [4, с. 228]. Однако продвижение русской интеллигенцией тезиса о соборном единении российского общества в его

имперской модификации в кризисной ситуации в значительной мере оказывалось онтологически несостоятельным и даже утопичным. Социальные реалии зачастую не совпадали с заложенными ориентирами экуменизма. Тем не менее отечественной интеллектуальной элитой был услышан тезис о социальном единстве, что, несомненно, является ее заслугой.

Список литературы

1. Андросенко С.В. Соборность как антропологическая и экклезиологическая категория в трудах Н.А. Бердяева // Вестник Свято-Филаретовского института. 2021. Вып. 40. С. 9–34.
2. Ахиезер А.С. Россия: Критика исторического опыта (Социокультурная динамика России): в 3 т. М.: ФО СССР, 1991. Т. 1: От прошлого к будущему. 318 с.
3. Барулин В.С. Социальная философия. М.: ФАИР-ПРЕСС, 2000. 560 с.
4. Бычков В.В. 2000 лет христианской культуры *sub specie aethetica*: в 2 т. М.; СПб.: Университет. кн., 1999. Т. 2: Славянский мир. Древняя Русь. Россия. 527 с.
5. Елдин М.А., Малоземов С.И. Цезаропапизм и секуляризм в византийской и русской традиции // Гуманитарий: актуальные проблемы гуманитарной науки и образования. 2021. Т. 21. № 1. С. 19–30.
6. Зеньковский В.В. История русской философии. Введение // О России и русской философской культуре: Философы русского послеоктябрьского зарубежья. М.: Наука, 1990. С. 379–397.
7. Коррадо-Казанская Ф. Соборность и гуманизм: культурфилософский анализ эссе Вяч. Иванова «Легион и соборность» // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Философия. 2020. Т. 24. № 2. С. 187–200.
8. Леонтьев К.Н. Славянофильство и грядущие судьбы России. М.: Институт русской цивилизации, 2010. 1232 с.
9. Лосский Н.О. История русской философии. М.: Советский писатель, 1991. 480 с.
10. Лурье С.В. От древнего Рима до России XX века: преемственность имперской традиции // Общественные науки и современность. 1997. № 4. С. 123–133.
11. Нация и империя в русской мысли начала XX века / сост. С.М. Сергеев. М.: Издат. группа Скимень: Пренса, 2004. 351 с.
12. Париков О.В. Русская идея: от Древней Руси к Новому времени. Н. Новгород: Нижегород. правовая акад., 2005. 255 с.
13. Попков В.Д. Русский мир. Философские рамки понимания проблемы // Вопросы философии. 2021. № 7. С. 27–37.
14. Соловьев В.С. Оправдание добра: нравственная философия. М.: Академический проект, 2010. 671 с.
15. Столович Л.Н. Мудрость. Ценность. Память. Статьи. Эссе. Воспоминания. 1999–2008. Tartu–Tallinn: InGri, 2009. 384 с.
16. Титов В.А. Софийный потенциал русской философии // Философия и культура. 2012. № 6(54). С. 60–69.
17. Трубецкой Е.Н. Смысл жизни. М.: Институт русской цивилизации, 2011. 656 с.

18. Франк С.Л. Русское мировоззрение: сб. СПб.: Наука, 1996. 738 с.
19. Хижий М.Л. Архиепископ Антоний (Храповицкий) и митрополит Андрей (Шептицкий) в личной переписке начала XX в. (о попытке православного и греко-католического диалога) // Вестник С.-Петерб. ун-та. Сер. 6. 2009. Вып. 1. С. 52–60.
20. Rowley D.G. Imperial versus National Discourse: The Case of Russia // Nations and Nationalism. Cambridge. 2000. Vol. 6. Pt. 1. P. 23–42.

THE PROBLEM OF THE RUSSIAN WORLD IN RUSSIAN SOCIAL PHILOSOPHY OF THE XI–XXI CENTURIES

N.V. Teplykh

Humanitarian Institute, Moscow

The spiritual situation of time in the modern system of relations «man – society» is critical. Appeal to the origins of Russian spiritual and moral culture, domestic historical and cultural traditions, spiritual and moral values that modern citizens of Russia have inherited, can overcome this crisis. Comprehension of traditions and values not only optimizes and systematizes the modern process of development of the Russian national culture of self-consciousness, but also contributes to the development of a productive algorithm for the formation of a dialogue of ethnic traditions. The historical experience of interaction between different peoples, carried out in a peaceful way, characteristic of many regions of our country, is of global, universal significance. Perhaps the long-sought «higher destiny of Russia», which many prominent thinkers thought about, consists precisely in the search and finding a formula for a harmonious interconnected and mutually conditioning existence of different ethnic groups.

Keywords: *Russian people, Russian world, values, traditions, dialogue, unity.*

Об авторе:

ТЕПЛЫХ Никита Валерьевич – ассистент Центра гуманитарного образования, АНО ВО «Гуманитарный институт», г. Москва, Россия. E-mail: ni.teplykh@yandex.ru

Autor information:

TEPLYKH Nikita Valerievich – Assistant of the Center for Humanities Education, Humanitarian Institute, Moscow, Russia. E-mail: ni.teplykh@yandex.ru